

2-й годъ изданія.

0971

СѢВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЪ

Еженедѣльникъ молодой надпартій-
ной интеллигенціи

№ 8.

Вся чистая прибыль идетъ
въ пользу семей павшихъ
въ бою воиновъ.

ПЕТРОГРАДЪ.

10 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г.
на большую ежедневную Литературную, Политическую и Общественно-Экономическую газету

„СЪВЕРНОЕ УТРО“

Издания годъ 5-й.

Издающуюся въ Архангельскѣ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ въ 6 колоннъ, при ближайшемъ участіи сотрудниковъ Московскихъ и Петроградскихъ изданій. Газета является органомъ демократической мысли, обслуживающимъ нужды и интересы Сѣвернаго края. Въ виду развертывающихся съ каждымъ днемъ все новыхъ и новыхъ событій, связанныхъ съ грандіозной Европейскою войной, главное вниманіе редакціи обращено на возможно подробныя сообщенія о ходѣ военныхъ дѣйствій въ видѣ извѣстій съ театра войны по телеграфу, сообщеній разныхъ военныхъ корреспондентовъ, статей на военныя темы и обзоровъ положеній на всѣхъ театрахъ войны. Главное вниманіе обращено на нужды Сѣвернаго края, на жизнь уѣздовъ Архангельской губ. Увеличенный форматъ газеты далъ возможность значительно пополнить отдѣлъ мѣстнаго края. Собственные корреспонденты во всѣхъ уѣздахъ Архангельской губ. и въ крупныхъ столичныхъ городахъ. Подписная цѣна: на 1 годъ—5 руб., на 6 мѣс.—3 руб., 3 мѣс.—1 руб. 75 коп., 1 мѣс.—60 коп. Подписка принимается въ конторѣ редакціи. Архангельскъ, Псковскій пр., д. Лейцингера и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г.

на ежемѣсячный журналъ

Южно-Русскій Потребитель

Задача журнала: Отраженіе жизни кооперативныхъ учреждений юга Россіи. Журналъ является органомъ Т-ва Потребительныхъ Обществъ юга Россіи.

Участіе въ журналѣ принимаютъ. Г. А. Берловскій. Ве—эсъ. М. Т. Девисъ, А. А. Евдокимовъ. П. Жадановскій. И. А. Жмаревъ. А. С. Зарудный. В. Ф. Красновъ, А. Н. Макаровскій. С. Н. Макаровскій. К. А. Мацѣвичъ. Б. С. Одеръ. Г. Н. Пелипенко. Ю. Переяславскій. О. Ро—нь, М. Савельевъ. В. И. Сандуловъ. Е. Трофимовская. П. Холмскій. К. Шильниковъ. Б. Яблоновскій. Журналъ будетъ выходить книжками до 2-хъ печатныхъ листовъ. Кромѣ 12-ти номеровъ журнала подписчики будутъ получать еженедѣльно торговый отдѣлъ въ видѣ перечня товаровъ и цѣнъ на Харьковскомъ и др. рынкахъ. Подписная цѣна: съ пересылкой и доставкой: на годъ 2 руб., на $\frac{1}{2}$ года 1 руб. 20 коп., на 3 мѣс. 70 коп. Адресъ конторы и редакціи: Харьковъ, Московская, 10.

Адресъ для корреспонденцій: Харьковъ, Пассаждъ, почт. ящ. № 195.

Редакторъ-издатель В. И. Сандуловъ.

ОТКРЫТА на 1915 годъ ПОДПИСКА (Третій годъ изданія)
на двухнедѣльный иллюстрированный журналъ

„Кооперативная Жизнь“

Подписная цѣна на годъ—пять рублей, на $\frac{1}{2}$ года—три рубля.

Адресъ редакціи и конторы: МОСКВА, Моховая, 14, кв. 2.

Журналъ „Кооперативная Жизнь“ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ книжками въ 64—80 стр.

Въ журналѣ „Кооперативная жизнь“ ведутся слѣдующіе постоянные отдѣлы: 1. Передовыя статьи, имѣющія своей задачей отвѣчать на злободневные вопросы кооперативной жизни. Въ текущемъ году были помѣщены статьи на темы: Съѣзды по сельскохозяйственной коопераціи, Сохраненіе единства коопераціи въ Россіи, Кооперація и областничество, О союзномъ строительствѣ, Торговый договоръ съ Германіей и россійская кооперація, Годичное собраніе акціонеровъ Московскаго Народнаго Банка, Теорія и практика въ кооперативномъ дѣлѣ. Техническая безпомощность сельскохозяйственныхъ кооперативовъ въ Россіи и др. 2. Жизнь кооперативовъ на мѣстахъ 3. Кооперативные центры. 4. Взаимоотношенія земства и кооперативовъ. 5. Кооперативная жизнь за границей. 6. Инструкторскій отдѣлъ (отвѣты на юридическіе вопросы и запросы практическаго характера). 7. О новыхъ книгахъ. 8. Изъ практики для практики. 9. Хроника комитета о сельскихъ ссудо-сберег. и пром. т-вахъ. Большое мѣсто удѣляется корреспонденціямъ съ мѣстъ. Периодически журналъ производитъ обслѣдованія, анкеты, имѣющія цѣлью освѣщать разные стороны кооперативной практики. Такъ, въ текущемъ году на страницахъ журнала въ рядѣ корреспонденцій изъ разныхъ концовъ Россіи разсматривалось положеніе товарищескихъ операций съ хлѣбами въ 1913 году. Помѣщались также статьи читателей по вопросу о культурно-просвѣтительной дѣятельности кооперативовъ и по вопросу о союзномъ строительствѣ. Кромѣ того всѣмъ подписчикамъ въ 1914 году были разосланы бесплатныя приложенія; Первый и второй сборникъ статей: „Библиотека Кооперативной Жизни“. Статья Н. Полянскаго, прис. пов. Уголовная отвѣтственность должностныхъ лицъ кооперативныхъ товариществъ. Статья А. И. Переса, прис. пов. Обь организаціи волостныхъ и земскихъ попечительствъ. Стъ № 21-го при журналѣ всѣмъ подписчикамъ прилагаются; „Труды Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ“. Цѣна журнала за 1914 годъ (24 №№ и приложенія) 5 руб. безъ приложеній 3 р. Цѣна журнала за 1913 годъ 3 р. (24 №№). Отдѣльные №№ журнала за 1913 и 1914 гг. по 20 коп. Сборники „Библиотека Кооперативной Жизни“ по 1 рублю.

Редакціонный комитетъ: М. П. Авсаркисовъ, В. И. Анисимовъ, А. А. Евдокимовъ, В. А. Кильчевскій, А. В. Кулыжный, Г. А. Мартюшинъ, Н. П. Огановскій, А. В. Чаяновъ и кн. Д. И. Шаховской.

Проспектъ объ изданіяхъ „Кооперативной жизни“ высылается по требованію бесплатно. Пробный номеръ высылается за 2 десятикопѣчныя марки. Съ требованіями обращаться по адресу конторы журнала „Кооперативная Жизнь“ Издатель: Комитетъ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства.

МОСКВА, Моховая, 14, кв. 2.

0271 Съвержый Тусляръ

Адресъ Конторы и редакціи: Петрогр. Стор. Б. Зеленина, д. 8, кв. 20. Контора открыта ежедневно съ 5 до 9 ч. веч. Редакція—отъ 6 до 8 час. веч. Тел. 530-66.

№ 8.

2-й годъ изданія.

25 Апрелья 1915 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Феерія всего человѣка, Антона Ковша. — Игра камня и капли изъ чаши, И. Лебединова. — По поводу предстоящей постановки оперы Дебюсси „Пеллеасъ и Мелизанда“ на сценѣ Музыкальной Драмы въ Петроградѣ, А. Туфанова. — Гарамортъ предлагаетъ вопросы небу, въ надеждѣ, что получитъ отвѣты, К. Жакова. — Пѣсни листьевъ мимозныхъ въ дни смятенные, А. Туфанова. — Сказка, В. Витальскаго.

Феерія всего человѣка.

(Отрывокъ изъ лекціи „Феерія всего человѣка и современная точка зрѣнія на искусство“).

Антонъ Ковшъ.

Я погружаюсь въ созерцаніе моего внутренняго міра и увлекаю за собой васъ. Я отвлекаю внѣшнее; я въ области метакиміи. Ловлю на какомъ-то мѣстѣ нить бѣгущихъ монадъ, беру ихъ и близко-близко разсматриваю. Разсматриваю очами того углубленнаго созерцанія, которое ничто иное, какъ блестящіе глаза-грани, тѣхъ-же мерцающихъ въ стремительномъ бѣгѣ монадъ. Я распыляюсь на милліоны и милліоны частицъ—и вижу въ каждой отраженіе себя. Вижу эти частицы, то ярко-ярко пылающими,—тогда онѣ подобны искрамъ мелко-истолченной платины подъ электрическимъ токомъ въ сотни тысячъ вольтъ,—то прозрачно-холодными, отражающими. Ихъ блескъ ослѣпительнъ—горятъ безумно-яркимъ огнемъ. Вотъ я глубже вонзаю взоры и еще ярче, еще безумнѣе пламень и мнѣ не видно ихъ насквозь.

Они не прозрачны. Подобны брызгамъ водопада ихъ безшумно льющіеся золотыя струи. Но они не сквозные. Вы видите ихъ тоже непрозрачными. Это монады Воли. Въ нихъ мои страсти, мои желанія, въ нихъ мои непрозрачные порывы къ жизни и къ Солнцу. Въ золотомъ потокѣ, онѣ подобны ракетѣ, заряженные центроубѣгающей силой, рвутся къ небу—периферіи; къ тому горизонту, что мерцаетъ вдали, подобно снѣговымъ вершинамъ въ лучахъ солнца. Вамъ видны эти красивые изгибы на горизонтѣ? Тамъ линіи Бога и линіи Смерти—это тѣло человѣка. Дружный потокъ, въ стремительномъ бѣгѣ хочетъ стать горящимъ и тамъ, на вершинахъ изгибовъ. Силою своего чарующаго блеска и огня хочетъ ослѣпить потокъ золотыхъ монадъ Царство Гордаго Разума. Тамъ, у вершинъ Пепла—

Царство Разума, и холодны стальные глаза Владыки. Тамъ, въ царствѣ льда и разсудка,—страстные они—переливчатые до безконечности—умедляютъ свой бѣшенный вихрь стремленія. Выброшенныя невѣдомой силой изъ нѣдръ огня—желаній, здѣсь они умедлили бѣгъ. И раскаменное до-бѣла вещество ихъ стынетъ и прозрачнѣетъ. Намѣчаются линіи сужденія. Проникновенныя очи гордаго разума жгутъ холодомъ знанія. Стынетъ пламень центра. Стынетъ слѣпой порывъ. Онѣ прозрачнѣютъ. Это уже не слѣпая Воля. Разумъ влилъ въ желанія ясность. Замедляя свой бѣгъ, онѣ зачарованы міромъ, развернувшимъ въ нихъ свой волшебный ландшафтъ. Еще тише бѣгутъ они по грани Новаго Царства, какъ остывшіе, бѣлые кони. Здѣсь онѣ сталкиваются съ монадами разума. Катастрофа. И силы центра ихъ покинули. На мигъ пусты ихъ желанія, но онѣ овладѣли царствомъ. Слепныя монады Воли стали Разумомъ, а Разумъ сталъ—Пепломъ. По слову невѣдомой силы, таящей свой образъ въ сліяньи, уносятся трупы разумныхъ монадъ къ вершинамъ и растутъ красивыя формы. Строится Божественное тѣло человѣка. Какъ подъ рѣзцомъ художника рождается форма; гдѣ въ каждой линіи сквозитъ духъ разумныхъ началъ. И отъ этой черты новая жизнь.

Вновь набѣгаютъ изъ центра новыя волны, вновь холодъ разума и жаръ центра сталкиваются. И уносятся въ ту и другую сторону вибрирующія волны. Тамъ, на грани, гдѣ скрещиваются двѣ царственныя силы, растеть корка изъ атомовъ разума. Но это еще не мертвый пепель, въ немъ еще бьется жизнь, въ немъ еще не гаснетъ борьба за первенство,—за существованіе. Борятся атомы духа, но это уже не духъ. Въ этихъ умирающихъ, зареальныхъ жизньяхъ, загорается новая жизнь, жизнь, какъ отображеніе той Разумной-Небесной Жизни. Въ нихъ осуществляется мечта безконечности—жить. Мы схватили нить, гдѣ-то на серединѣ. Въ ту и другую сторону конца нѣтъ. И нашъ разумъ, высшая ступень—верхъ нити, не жаждетъ конца. Его форма—мысль пробиваетъ стѣны, сжигаетъ концы.

Монады Воли и Разума въ круговоротѣ своихъ законовъ дали отпечатокъ Божества-Духа: Земное Тѣло. Духъ въ стремліи къ матеріализаціи движется въ одну сторону. Процессъ распада идетъ отъ центра къ периферіи, въ Божественномъ тѣлѣ человѣка—олицетвореніе двухъ царственныхъ силъ, берущихъ начало гдѣ-то въ Неизвѣстномъ. Вѣчное въ измѣняемости и тлѣнное въ формахъ, оно застыло въ неудовлетворенности: Разумъ не договорилъ. Но онъ доскажетъ свою Поэму въ грядущемъ. Его цѣль заставить жить и стремиться. И тѣло ждетъ и ищетъ.

Божественная линія экстаза исканія застыла въ темныхъ складкахъ лица человѣка. Застыла въ бездонной глубинѣ очей усмѣшка презрѣнія къ самому себѣ, застыла, какъ боль и тоска:

— Отчего не раскрыты глубины центра? Отчего осталась неудовлетворенной та сила, что строила волшебный дворецъ, эту пустую и жалкую хижину, съ холоднымъ обманомъ Прекраснаго въ холодныхъ изгибахъ. Вотъ и Смерть сторожитъ его. Обратнаго дороги нѣтъ. Путь въ одну сторону. Хотя я было—Разумъ, но уже умерло. Я было—Воля, а дальше не знаю что? Теперь я тѣло и еще много жизней ждетъ меня въ безконечности, но высшая—позади!

А тамъ, въ глубинѣ фееріи шара, горятъ новыя миллионы звѣздъ-атомовъ. По прежнему царитъ Разумъ и бушуетъ безумная Воля, но глубже протекаетъ Сознаніемъ шаръ. Все шире и шире границы Разума, а Воля прозрачнѣе и ярче. Но я—пепель и меня ждетъ еще смерть. Это плачетъ тѣло. Вамъ слышны его вопли? Это не вопли души, это плачетъ тѣло,—тотъ Пепель, жизнь котораго—мигъ.

Новые и новые миллионы найдутъ свою могилу въ Божественныхъ формахъ, но не умретъ весь человѣкъ. Изъ центра, какъ изъ безконечности, идутъ новыя миллионы и нѣтъ имъ конца, нѣтъ счета, ибо безсмертенъ весь человѣкъ!

Антонъ Ковшъ.

Игра камня и капли изъ чаши.

И. Лебединовъ.

I.

Тѣни и отраженія.

* * *

Двояко я, въ творческомъ ростѣ себя утверждающее; Оне—даръ и всепоглощающая причина, И поэтому двоякую эмблему таитъ въ себѣ букетъ—эмблему ключа и эмблему поцѣлуя.

Ключъ бросается въ зеркальное озеро—пусть откроетъ двери Дворца и, отобразивши красоты его, рассылетъ преображеннымъ въ ряби своей и въ синевѣ неба.

Поцѣлуй-же едва замѣтной искоркой—каплей мерцаетъ и тлѣетъ въ букетѣ; поцѣлуй—жажда дворцовъ иныхъ и таитъ въ себѣ озеро и огонь.

Горитъ поцѣлуй пламенемъ тихимъ, но искрометнымъ и тонкими, почти неощутимыми, ароматами желаній проникаетъ во Дворцы и превращаетъ ихъ въ пылающую сказку.

Но бываетъ молчать букеты, ибо нѣтъ озера и нѣтъ дворцовъ, и бываютъ раздѣлены букеты—зажгли поцѣлуи много дворцовъ иныхъ и пламень ихъ сказокъ играетъ въ зеркалахъ моего Дворца и замираетъ въ нихъ, ибо нѣтъ озера преображенія и нѣтъ единой сказки горящаго Дворца, воплотившаго въ себѣ горѣніе многихъ. И наоборотъ бываетъ.

Смѣхъ я встрѣтилъ однажды, юному солнцу подобный. Переливными трелями лучистаго звона ворвался онъ въ дни мои—и таяли тучи; сырое и монотонное умирало, пронизанное стрѣлами смѣхозвоновъ...

Смѣхъ я встрѣтилъ однажды и пилъ его лучистыя трели, какъ вино. И загорались на-

дежда и радость и острѣе чувствовались запахи и звуки, а краски рождали молитвы.

...Звѣздочку я увидѣлъ однажды—въ клѣткѣ заперта была звѣздочка и тосковала по просторамъ далекаго, полузабытаго неба.

Сны-сказки хотѣлось навѣять; сжечь дворецъ ея огнемъ поцѣлуевъ—на крыльяхъ пламени взовьется звѣздочка къ желанному небу.

Радость преобразить и жажда зажечь много головъ изукрасила росю алмазовъ.

Двоимъ я посвящаю букетъ изъ аккордовъ и словъ: музыку—свѣтозарному смѣху, ароматы мерцающей звѣздочкѣ.

* * *

Тянется жизнь вереницею призраковъ чудныхъ, безцвѣтныхъ..

Не вижу я красокъ—солнце зашло...

— А видѣлъ? Не проспалъ въ болотѣ? Не посѣвомъ-ли тиной часовъ однотонныхъ была твоя жизнь?

— Не внаю... Быть можетъ.

Вынь камень изъ оправы и сквозь него посмотри въ окружающее.

Зачѣмъ прятать его въ чашѣ оправы—онъ переливень... Заревомъ отсвѣтовъ камня играющаго будетъ твой теремъ—вынь изъ оправы.

Вынь камень изъ оправы и посмотри сквозь него—умрутъ блѣдныя, безцвѣтныя тѣни; вся полнота играющей, многоцвѣтной жизни пройдетъ въ твоёмъ переживаніи.. Вынь камень изъ оправы и сквозь него посмотри въ окружающее.

* * *

Переполненная чаша тихо струитъ свою влагу въ пространство—и я говорю сегодня отъ переполненной чаши.

Капля за каплей падаетъ влага, тоненькими струйками ползетъ по бокамъ и серебряными нитями опускается въ безмѣрность.

Она горитъ на солнцѣ эта чаша. И капли изъ чаши—сіяніе милости.

...Капля за каплей падаетъ влага изъ переполненной чаши, а чаша еще и еще втягиваетъ въ себя влагу...

Еще и еще собираетъ влагу чаша, чтобы преобразивши каплями струить ее въ пространство.

Чаша! Ненасытна она въ жаждѣ своей—въ жаждѣ собирать и струить... Всю влагу стремится она перелить въ себя и всю безмѣрность сдѣлать собой.

Не насытна чаша.—И отъ переполненной чаши говорю я сегодня.

* * *

Разсыпало солнце розово-красныя искры улыбокъ и позолотило верхушки деревьевъ... И дальше разсыпало солнце улыбки—въ поля и луга, рѣки и озера, города и деревни; разсмѣялось безкрайное море, ожили стекла въ рамахъ... въ мириадахъ отвѣтныхъ улыбокъ встрѣтило себя солнце.

И когда стало такъ—смѣшались фиміамы ночныхъ сновъ и видѣній съ грезами раннего утра, переплелись сизоватою дымкою вчера пережитого дня и бѣло-розовыми туманными чайками вознеслись въ синюю глубь и исчезли.

И тамъ, въ несказанной высотѣ, у блистающаго подножія Божова Трона остановились туманы. Свились въ чуть замѣтный клубочекъ и ждали смиренно Божова взора.

И когда неизреченно-сладостные лучи взора Его коснулись тумановъ—тонкими нитями потянулись туманы и исчезли въ смятіи съ Нимъ.

Такъ слушаетъ Господь безчисленные голоса еозданныхъ имъ міровъ—ароматными туманами возносятся къ Нему моленія и печали, жалобы и стоны, крики страданій и крики восторговъ и исчезаютъ въ сіяніи. И съетъ Господь новые міры, создавая ихъ изъ преобразенныхъ тумановъ.

Слушайте-же туманы и вдыхайте ароматы ихъ.

Стономъ и плачемъ провожаемъ уже ше солнце; пепломъ тоски, воздыханій и горя посыпаемъ унылую душу:

— Умерло солнце! Плачьте и рыдайте живущіе—таковъ конецъ всѣхъ!

Въ припадкѣ отчаянія раздирались одежды, ибо жизнь казалась преддверіемъ гроба; печально и медленно—гулко переливались звоны и плакали тяжкими, неподнимающимся слезами:—умерло солнце и нѣтъ его!

— Новое солнце родилось: веселитесь и радуйтесь!

И пылающими отсвѣтами камней многоцвѣтныхъ сіяли улыбки дѣвушекъ и юношей. Горячими дѣлались руки, а груди бушевали какъ море.

— Новое солнце родилось! Да здравствуетъ жизнь вѣчно рождающаяся, вѣчно цвѣтущая и вѣчно маняще-радостная!

И голоса звоновъ поднимались высоко—высоко, и плыли, и таяли.

Молитвы благодарной радости возносились къ новому солнцу—молитвы въ храмахъ, молитвы въ дѣятельности, молитвы въ играхъ и молитвы въ поцѣлуяхъ.

И такъ проходилъ весь день, пока не умирало и это солнце... Ночь-же была ужасомъ и предчувствіемъ гибели и смерти.

Ночь злыми шорохами наполнялась и бродила во тьмы нежившія тѣни, рождая тьму колеблющуюся, тьму—одушевленную бездну.

Все злое, рожденное отъ смерти и ужаса носила въ себѣ ночь и притаившись ждала молча.

Но не призракъ-ли и сама ночь? Можетъ быть ночь потому, что мы живемъ въ плоскости дня?

И если-бы подняться до утесовъ сутокъ и выше... къ вершинамъ вѣчности приближаясь, то исчезла-бы ночь и увидѣли-бы, что солнце не рождалось и не умирало: оно вѣчно и одно.

Я видѣлъ человѣка, стоящаго на горѣ. Онъ смотрѣлъ и слушалъ, а лицо сіяло восторгомъ и страданіемъ безмѣрнымъ.

Ужъ ночь накинула свое покрывало на равнины, и человѣкъ все еще стоялъ на горѣ и слушалъ.

— Эй! крикнулъ я ему—уже ночь, а ты

все еще стоишь и смотришь. Сойди въ долину и отдохни.

— Здѣсь нѣтъ ночи и нѣтъ отдыха, донесся голосъ съ горы, и я почувствовалъ въ немъ рыданіе.

— Но въ долинѣ есть ночь и есть отдыхъ. Почему ты не хочешь сойти?

— Я жду новыхъ, еще болѣе высокихъ вершинъ, что бы взобраться на нихъ и новыя долины увидѣть и воплотить.

— Но почему-же страданіе поетъ въ твоемъ лицѣ и голосѣ, разъ ты самъ не хочешь долины и покоя и стремишься все къ новымъ и новымъ вершинамъ?

— Пойми и услышь.

(Новый день создать и придумать!) Межъ

двумя зеркалами сидитъ и видитъ свое отраженіе.

(Гдѣ-же Я и не Я? и какъ создавать!) Двигаются тѣни и смѣются, а онъ изучаетъ... а тѣни дробясь уходятъ все дальше, и дальше сливаясь съ бездонностью зеркалъ.

(Миръ безконеченъ и Я—часть его). Убѣгаютъ тѣни въ размашистыхъ жестахъ, а онъ записываетъ и отмѣчаетъ.

(Нельзя создать новый день, ибо день создаетъ меня, а не я—день).

.... Межъ двумя зеркалами сидитъ и не уразумѣетъ.

И. Лебединовъ.

* * *

Надоѣло мнѣ, молоденькой черницѣ,
потупивши свои ласковые взоры,
вышивая на полотнищѣ узоры,
тосковать въ своей обители-темницѣ.
Вонъ вдали, мои недавнія подружки,
беззаботные взобрались на качели.
На лужайкѣ даже сосенки и ели
солнцемъ залиты отъ корня до макушки.
Я одна сижу за бѣлою стѣною,
подъ окномъ о тихой радости тоскую...
Ночью слышу я, какъ пѣнье аллилуйя
тихимъ благовѣстомъ рветъ надо мною.
Въ церкви ладанъ вѣется синій и душистый...
Я одна въ тиши сижу, теряя силы...
Для тебя я нарядилась бы въ мнисты,
но тебѣ сюда дороги нѣтъ мой милый!..

А. Симеонова.

По поводу предстоящей постановки оперы Дебюсси „Пеллеасъ и Мелизанда“ на сценѣ Музыкальной драмы въ Петроградѣ.

А. Туфановъ.

Почти все современные оперныя постановки рассчитаны не на слушателей, а на простыхъ зѣвакъ, и чѣмъ реалистичнѣе постановка, тѣмъ меньше пониманія музыки у слушателей, пониманія этого дивнаго, глубочайшаго и прекраснѣйшаго изъ искусствъ.

Въ 47-ой разъ слушать оперу „Пиковая Дама“ Чайковскаго мнѣ пришлось въ Театрѣ Музыкальной Драмы (Консерваторія), и я опять прихожу къ заключенію, что за послѣднія 13 лѣтъ у насъ въ Петроградѣ никакихъ измѣненій въ постановкѣ этой оперы не происходитъ. Все по старому. Измѣняются только декорации, при чемъ театръ Музыкальной Драмы даетъ декорациями своего рода художественныя реалистическія произведенія, т. е. то, въ чемъ музыка сама по себѣ не нуждается.

Исходя въ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ отъ эстетики А. Шопенгауэра, я остановлюсь прежде всего на вопросѣ объ отношеніи музыки къ либретто и драматизму оперы.

Музыка—самостоятельное искусство и самое могучее; въ ней—отпечатокъ самой воли, она не нуждается въ словахъ пѣсни, въ драматизмѣ оперы и въ театральныхъ декорацияхъ, дѣйствіе звуковъ сильнѣе и быстрѣе, чѣмъ дѣйствіе поэзіи, каждому извѣстно, что въ чувствахъ, страстяхъ, аффектахъ она вызываетъ подъемъ или ихъ измѣненіе. Въ поэзіи прежде всего—отраженіе „идей“, художественные образы; эстетическіе феномены въ реалистической поэзіи неподвижны и съ теченіемъ времени дѣлаются плоскими: сюжетъ оперы старѣетъ, и реалистическое либретто становится своего рода камнемъ, который тянетъ слушателя на дно заросшаго пруда эмоціональныхъ

стзвучій ветхозавѣтнаго человѣка и затемняетъ безсмертное въ твореніи композитора.

Для примѣра беру извѣстное содержаніе пѣсни Германа въ оперѣ „Пиковая Дама“: „Я имени эя не знаю и не хочу назвать“...

Если взять написанное подъ такой же размѣръ стихотвореніе Вал. Брюсова „Я имени тебѣ не знаю, не назову“, то получится очень характерная иллюстрація того, какъ со времени Пушкина и М. Чайковскаго, написавшаго либретто по Пушкину, Державину и Жуковскому, мы эволюционировали въ мѣрѣ подобныхъ отношеній. Для человѣка нашихъ дней уже не душа и не тѣло, а имя представляетъ порой наивысшую цѣнность; въ немъ поэтъ слышитъ „серебристую риѣму“, хочетъ назвать, но, не зная его, утѣшаетъ себя: „быть можетъ все въ мгновенной смѣнѣ и нѣтъ имени, и мы съ тобой летимъ, какъ тѣни, какъ чей-то сонъ“.

Германъ же вовсе не хочетъ „назвать земнымъ названьемъ“.

Двѣ полярности въ отношеніяхъ къ женщинѣ. Тамъ, въ сѣдой древности, романтизмъ, выродившійся у современныхъ поэтовъ въ романтизмъ беспочвенный, приводящій ихъ къ декадансу, такъ какъ интеллигентная женщина крупныхъ промышленныхъ центровъ стремится только къ роскоши, а любовь ей совершенно и не нужна.

Здѣсь у Вал. Брюсова устремленіе въ потусторонній мѣръ, выше голубой тюрьмы романтиковъ, но при условіи прохожденія сквозь реально-эмпирическое.

Въ любви временъ Модеста Чайковскаго и Германа было романтическое обожаніе; у насъ

одновременно и обожаніе и презрѣніе, и жестокость при „прохожденіи“ и состраданіе при приближеніи.

Слушая арію Германа, мы *) воспринимаемъ, конечно, послѣднія таинственныя откровенія музыки, а не тѣ, которыя воспринимались во времена М. Чайковского, брата талантливаго композитора.

Вотъ почему я прихожу къ заключенію, что для увѣковѣченія памяти талантливыхъ композиторовъ: во-первыхъ, слѣдуетъ съ теченіемъ времени освобождать оперы отъ реалистическихъ либретто, обращая ихъ въ „симфоніи“, и, во-вторыхъ, пересочинять текстъ къ музыкѣ.

Лучше всего, конечно, первое. Мы будемъ слушать „Пиковую Даму“ in abstracto, безъ частныхъ опредѣленій; пусть остается одна форма страстей, безъ ихъ матеріи, „словно міръ безплотныхъ духовъ“ (464 стр., 2 т., Шопенгауэръ „Міръ какъ воля и представленіе“).

Иначе обстоитъ дѣло съ Дебюсси. Дебюсси находился подъ вліяніемъ символиста Ст. Малларме. Онъ написалъ музыку къ символическому произведенію М. Метерлинка, „Пеллеасъ и Мелизанда“.

Когда Пеллеасъ чувствуетъ, что теплыя и нѣжныя, какъ майскій дождь, волосы Мелизанды падаютъ къ нему въ душу, уже нѣтъ реальности, а есть одно претвореніе ея въ значки; и въ процессъ безвольнаго созерцанія М. Метерлинка уже вступаетъ въ царство чистыхъ „платоническихъ идей“, гдѣ Пеллеасъ и Мелизанда уже не тѣни Я и Ты.

А когда Мелизанда поетъ „Взяли три слѣпыя лампы золотыя,“ развѣ не въ то же царство онъ вводитъ насъ?

*) Когда я пишу или говорю „Мы“, я имѣю въ виду свое многоликое „Я“ въ настоящемъ, или „Я“ вмѣстѣ съ другими „Ты“, отражающими въ данный моментъ мои „Я“ въ прошломъ.

А. Т.

И развѣ въ современныхъ театрахъ есть артисты — новые люди съ новыми душами, которые смогутъ передать пластику чистой „идеи“ Я и Ты, ихъ голоса, неслыханные нами въ мірѣ реальномъ шорохи думъ, голоса молчанія и спѣтъ трагическую пѣсню о вѣчной несліянности душъ у трехъ слѣпыхъ: мы, они и вы на землѣ, у которыхъ даже при восхожденіи на одну башню гаснутъ одна за другой „золотыя лампы“?

Такіе артисты еще не родились. Есть, правда, Айседора Дунканъ, но она работаетъ въ другой области. Была В. Коммиссаржевская.

Мы, представители духовной аристократіи, не имѣемъ своего театра. Намѣреніе „Музыкальной Драмы“ поставить „Пеллеаса и Мелизанду“ надо привѣтствовать, однако, слѣдуетъ помнить, что нѣтъ ничего безобразнѣе явленія, какъ постановка въ натуралистическомъ театрѣ символическихъ драмъ. Режиссеру „Музыкальной Драмы“ надо вооружиться закономъ контрастовъ: все цѣнное въ аксессуарахъ „Пиковой Дамы“ превратить въ нецѣнное для „Пеллеаса и Мелизанды;“ актерамъ—превратиться въ поэтовъ для выявленія сокровенной тонкой, внутренней сущности, въ наиболѣе спокойной, неподвижной формѣ, въ обстановкѣ „деревянной рамы, обитой сѣрой бумагой.“

Мы привыкли видѣть въ Мейерхольдѣ единственнаго режиссера для болѣе или менѣе удовлетворительной постановки символическихъ драмъ. Думаемъ, что его опытъ кое-чему научилъ другихъ режиссеровъ.

Музыка Дебюсси къ драмѣ Метерлинка—сплошной любовной діалогъ въ мірѣ безплотныхъ духовъ; вотъ почему каждая лишняя черта въ его внѣшнемъ рисункѣ (декораціи, игра актеровъ) будетъ диссонансомъ къ музыкальному произведенію, по винѣ режиссера.

А. Туфановъ.

Гарамортъ предлагаетъ вопросы небу въ надеждѣ, что получитъ отвѣты.

К. Жаковъ.

I.

Скажи, отецъ мой, почему все такъ случилось? Почему моя любовь къ небу не дала мнѣ мудрости, а только оторвала отъ земли и сдѣлала меня безумнымъ?

Молчаливо созидающій небо и землю! Ты съ дѣтства со мной поступалъ такъ, чтобы лишитъ меня разсудка и плѣнитъ меня навсегда своими звѣздами... Почему, вотъ не знаю... Отвѣть, если ты слышишь меня!

II.

Знаю, что ты слышишь меня, но можетъ быть отвѣтить не пожелаешь. Зачѣмъ ты луну показаль мнѣ столь прекрасною, что я забыль все земное. То было лѣтомъ... Играль я въ бабки у окна дома моего, затѣмъ взглянулъ на востокъ и увидѣль твою луну вечерней порою... Она была желто-румяная, большая, бѣлая у самага горизонта... Взглянулъ я, и выпали бабки изъ рукъ... О Боже! сказалъ я, что это такое? Немного подумавъ, отвѣтилъ себѣ:

—Да это же луна...

Но образъ врѣзался въ душу мою, и вотъ безпомощнымъ я сталъ, глухимъ къ земнымъ звукамъ, слѣпымъ къ житейскимъ прелестямъ... Утратилъ я силы жизни въ мечтѣ бесполезной... Отецъ мой, зачѣмъ ты такъ сдѣлалъ со мною, скажи?

III.

Знаю, ты слышишь меня, и пожелаешь отвѣтить: Ты любишь меня, но пойму ли отвѣтъ твой...

Ты заполнилъ меня, и посадилъ въ небесную клѣтку, и вотъ слабы крылья мои земныя. Всякій ребенокъ умнѣе меня. Виновать ты въ этомъ... Когда я въ юности, пришелъ изъ города, полный земныхъ чувствъ, луну показаль мнѣ ночной порой въ зенитѣ неба... Ночь была теплая, я сѣлъ у креста Отца Фалалея, и посмотрѣль вверхъ... и вотъ луна на голубомъ небѣ, бѣлая, чистая, волнисто-прекрасная, таинственно-плѣнительная, неизсякаемо-чарующая. Взоръ мой прикованъ былъ къ лицу ея, и забыль я все земное, и до утра глядѣль я на небесную луну...

Такъ съ дѣтства и съ юности отнималь ты всякое пониманіе жизни у меня, наполниль мою душу сказкой, опустошивъ разсудокъ мой... И безпомощно бродилъ я, какъ умалишенный по землѣ, слушалъ людей, и ничего не понималъ, дѣлалъ, и ничего не выходило... Въ часы же уединенія только всплескивалъ руками: „Небо, звѣзды, солнце и луна, гдѣ вы?“

IV.

Зачѣмъ, зачѣмъ, отецъ, ты такъ поступилъ со мною...

Или до смерти Ты не скажешь мнѣ,

или не пойму Тебя, пока живу на землѣ?
Можетъ быть потомъ Ты мнѣ скажешь?

Астрологомъ Ты не хотѣлъ меня сдѣ-
лать, поэтомъ тоже, а старался всячески
наполнить мою душу звѣздами, и такъ, чтобы
въ душѣ моей не было уже мѣста для зем-
ныхъ предметовъ.

* * *

V.

Развѣ я не помню, какъ поступилъ Ты
со мною въ лѣсу между Джіаномъ и Ыд-
жадь-Видзь, когда ѣхали мы ночью зимою
съ отцомъ моимъ Фалалеемъ въ розвальняхъ,
на рыжей лошаdkѣ?..

Я помню это... Ты лѣпилъ звѣзды въ
красивыя созвѣздія, а изъ нихъ устроилъ
рѣзьбы небесныя, и капители на невиди-
мыхъ колонахъ.

Потомъ на ухо шепнулъ мнѣ: „Тамъ
дерево занебесное, звѣзды—ягоды этого
дерева, созвѣздія гроздья его и съ тѣхъ
поръ все плачу о небесныхъ ягодахъ, и
во снѣ вижу плоды сочныя—звѣзды. И
напрасно протягиваю руки... О, сколько
слезъ пролилъ я изъ-за ягодъ небесныхъ,
и счастья уже не видалъ больше никогда...“

Въ самыя спокойныя минуты говорилъ я
себѣ: „Ахъ, если бы не тоска о звѣздахъ,
былъ бы счастливъ я, теперь тайное горе
гложетъ сердце мое“..

—Отецъ Неба! Зачѣмъ, Ты, такъ посту-
пилъ со мною, отнявъ у меня навсегда почву
изъ подъ ногъ, и счастья лишивъ земного?

* * *

VI.

Творецъ помысловъ моихъ! Къ тому
времени, когда надо было мнѣ войти въ

разумъ и жить между людьми, какъ подо-
баеть человѣку, къ тому времени, когда
растетъ у каждаго зубъ мудрости, я до того
обезумѣлъ, что люди называли меня фило-
софомъ, не зная дальше, что со мною дѣ-
лать. Вотъ какое горе причинили мнѣ
звѣзды твои...

А между тѣмъ здоровымъ родился я,—
въ дѣтствѣ былъ краснощекиимъ...

За что, за что, Отецъ мой, лишилъ Ты
земли меня, и не далъ также неба, заплн-
нивъ лишь мою душу мечтою о немъ?..

* * *

Душа моя какъ бы вывихнулась. Я
учился, но не зналъ утоленія любознатель-
ности: небо все же было далеко отъ меня.

Среди земныхъ предметовъ мнѣ стало
тошно, какъ голодному среди камней...

Когда родные говорили мнѣ—иди, Га-
рамортъ, служи и помогай намъ, будь тѣмъ
или инымъ полезнымъ гражданиномъ, я бе-
зумно глядѣлъ на окружающихъ и думалъ:
„А кто размышлять будетъ о небѣ, кто
глядѣть станетъ на звѣзды?“

И когда родные мои и друзья мои ви-
дѣли безумные глаза, мечущіе нездѣшнія
молніи, душа ихъ въ пятку уходила изъ
головы ихъ, и они поспѣшно покидали
меня.

* * *

Отецъ мой! къ чему все это? Я никогда
не дослушивалъ до конца ни одного зем-
ного разговора, и не понималъ достойно
ни одной земной... Я только говорилъ:
„м-да“, слушалъ другихъ, самъ же въ
это время размышлялъ о границахъ млеч-
наго пути.

* * *

Въ воздухѣ живу я, между небомъ и землею.

Всѣ попытки друзей моихъ, пристроить куда-нибудь меня, кончились неудачей... Хотѣли, чтобы былъ я учителемъ, или путешественникомъ, или правителемъ чего-нибудь, или даже ученымъ грамматикомъ... Безполезно... Безуміе видно было въ глазахъ моихъ, и рано, или поздно всѣ покидали, убѣдившись въ тщетности попытокъ своихъ... Всѣ ошиблись въ Гарамортѣ... А не былъ лживымъ я между тѣмъ, но плоды неземные приковали мой взоръ, думы подземныя сожгли мою душу... И я сталъ глухъ и нѣмъ, и наивенъ на старости лѣтъ.

* * *

Творецъ мой! Скоро кончится и жизнь

моя... для чего, для чего пронизалъ ты душу мою лучами звѣздъ твоихъ, и навсегда ослѣпилъ меня для цѣнностей земныхъ? Скажи хоть одному мнѣ, на ухо скажи, никому не передамъ я изъ земножителей... Только Ты да я будемъ знать это! И тогда спокойно сойду я въ могилу мою...

Скажи, другъ мой любимый, для чего отнял ты у меня разумъ земной, и оставилъ мнѣ только тоску о небѣ?

* * *

Знаешь Ты, но не говоришь. Такъ надежду дай мнѣ, что въ грядущемъ, на иныхъ мірахъ узнаю я, изъ-за чего ослѣпъ я на землѣ, и оглохъ, и обезумѣлъ...

К. Жаковъ.

Эскизъ.

Взглядъ тоскующій и хрупкій,
грезы, бѣлыя какъ пѣна,
какъ дрожащія голубки,
улетѣвшія изъ плѣна...

Стонъ томительно-напѣвный,
преисполненный печали—
голосъ трепетной царевны
у покинутой рояли...

Блѣдно-палевыя розы,
шелестъ книги незакрытой,
сожалѣніе и слезы,—
слезы о любви разбитой...

А. Сименова.

ПѢСНИ ЛИСТЬЕВЪ МИМОЗНЫХЪ ВЪ ДНИ СМЯТЕННЫЕ *)

А. Туфановъ.

II. Тревога въ храмѣ воздушномъ.

Къ намъ въ воздушную обитель слышенъ громъ жестокой битвы,
Гаснетъ кельи многоликой одинокій свѣтъ молитвы,
Въ опаденьи изумрудный вѣчно-юный луносадъ;
Свѣтъ померкъ, блѣднѣютъ кельи, лики наши потускнѣли;
Огнепляшущей метелью сѣя смерть, свистятъ шрапнели,
Луносвѣтомъ имъ прожекторъ ищетъ маски, ищетъ адъ.

И, покинувъ храмъ безстѣнный, опускаюсь я въ смятенье;
Смертный вѣрь озвѣренья опалаетъ ликовъ тѣни,
Я въ безшумьи, я въ безгрезьи, въ безнадежьи, я—не самъ,
Я не вижу: гдѣ же люди, гдѣ мой садъ зазывно-чудный?
Вѣрно, молнии орудій жгутъ и теремъ изумрудный!
Я въ томленьи по безволю, вновь въ тоскѣ по небесамъ...

*) Листья мимозы—это душа утонченно-сложная изъ Воздушнаго Храма Красоты. Ея движеніе—по спирали черезъ землю, изъ Храма обратно въ Храмъ и т. д., т. е. всегда *сквозь* реально-эмпирическое въ потусторонній, сверхчувственный міръ.

Пѣсни: Мимоза, Тревога въ храмѣ воздушномъ, Письмо отъ звѣзды падучей, Глосса, Земная тѣни мечты, Рондо, Лунное веселье, Стъ юга, Въ лучахъ венера, Кукушка подстрѣленная, Ночи бѣлая и темная, De profundis, Жизнь, Измѣна, Къ вѣтрамъ, Любовь къ солнцу, По морю Вѣчности.

А. Туфановъ.

V. Земныя тѣни мечты.

Предчувствій тѣни бѣгутъ за мною,
Бѣгутъ съ молчаньемъ подводныхъ скалъ,
А я летаю надъ глубиною,
Не видя тѣней ея зеркаль.

Чѣмъ выше солнце горитъ надъ нами,
Короче тѣни, блѣднѣй намекъ;
Люблю я солнце съ его цвѣтами,
А къ тѣнямъ прошлымъ всегда жестокъ.

Чѣмъ ниже солнце, онѣ длиннѣе,
Бѣгутъ ручьями за мною съ горъ,
А я взлетаю къ звѣздамъ, блѣднѣя:
Миѣ страшенъ тѣни ночной узоръ.

А утромъ снова я возвращаюсь
На землю къ тѣнямъ былыхъ зеркаль..
Вѣка проходятъ, а я скитаюсь
Съ тоской по солнцу средь льда и скаль.

Но знаю встрѣчу двухъ волнъ пѣвучихъ,
Двухъ волнъ-предчувствій одна другой;
Я знаю счастье... и ужасъ жгучій,
Когда безъ вѣтра я подъ дугой.

XIII. Жизнь.

Жизнь—подъ лиловымъ покрываломъ
Планетъ заемный блескъ,
На небѣ предзакатно-аломъ
Волны надзвѣздной плескъ.

Жизнь—съ острововъ недостижимыхъ
Вечерній ароматъ
И изъ цвѣтовъ въ лучахъ незримыхъ
Нѣмой воздушный садъ.

Жизнь—это въ морѣ синемъ пѣна,
Земныхъ степенъ просторъ,
Всему вчерашнему измѣна,
Измѣна вѣтра съ горъ,

Далекихъ горъ благоуханье
Въ долину надъ рѣкой,
А на горахъ—ручья дыханье
И пѣсенъ звонъ морской...

Нѣтъ!.. Послѣ той вчерашней встрѣчи—
Сіяніе зари...
Погасли чуждыя мнѣ свѣчи.
Сіянье въ ней... Гори...

XIV. Измѣна.

(Триолеть)

Дыши измѣной каждый мигъ:
Цѣленье въ ней для одинокихъ;
Когда въ томленьи духъ поникъ,
Дыши измѣной каждый мигъ,
Твой садъ зеркальностью великъ,
Отъ близкихъ—дымъ; зовя далекихъ,
Дыши измѣной каждый мигъ,
Цѣленье въ ней для одинокихъ.

XVII. По морю Вѣчности.

Пылаетъ парусъ ослѣпительнѣе
Отъ солнечныхъ лучей,
Душа журчитъ, горитъ стремительнѣе
Чѣмъ ближе, тѣмъ звончѣй.

Весломъ лазурь слегка расплескивая,
Плыву всегда въ огнѣ,
А жилъ вчера, на мигъ поблескивая,
Лучемъ въ рѣчной волнѣ.

Иснить лучи лилово-розовые
Хочу въ челнѣ до дна
И кинуть вглубь цвѣты мимозовые
На землю изъ окна.

Въ окнѣ палящемъ сны томительные
Разсѣются, какъ дымъ,
Люблю лучи я ослѣпительные
Подъ вѣтромъ голубымъ.

(Продолженіе будетъ.)

А. Туфановъ.

Сказка.

В. Э. Витальскій.

Въ странѣ суровой, странѣ скалистой, у берега моря межъ скаль ютилась изба рыбацья.

Въ избѣ той тѣсной рыбацъ жилъ старый, и дочь жила съ нимъ—морская фея.

Лишь утромъ солнце вдали вставало, рассыпавъ щедро по лону моря рубиновъ блески, старикъ угрюмый, лачугу бросивъ, въ волны измѣну, въ просторъ далекій спѣшилъ укрыться.

А фея моря, на берегъ выйдя, на гладкій камень облокотившись, слѣдить любила за волнъ игрою и жадно слушать ихъ тихій рокоть.

Стальные струйки предъ ней играли съ лучами солнца; порой, касаясь крыломъ о волны, какъ хлопья снѣга, мелькали чайки; на горизонтѣ порой являлся чуть бѣлой точкой рыбацй парусъ... Но снова пусто.

И передъ феей, какъ яркій призракъ, какъ сонъ былого, являлся образъ, знакомый образъ, что такъ любила, что чтила свято морская фея,—являлась мать ей. И съ устъ видѣнья слова срывались и заглушала шумящй говоръ волны холодной. Завѣтъ великй въ словахъ хранился:

— Смотри на море. Вглядися глубже въ морское лоно, взгляди на скалы, что тѣсной цѣпью вокругъ гнѣздятся, и смыслъ глубокий, дитя, откроешь во всемъ, что

видишь. Ты моря тайну тогда узнаешь, а съ ней постигнешь и цѣль всей жизни.

Хранила свято завѣтъ великй морская фея. Въ день долгй лѣта, въ туманъ осенній, въ жару и въ бурю все неизмѣнно смотрѣла въ море, въ созвучьяхъ струекъ аккордъ искала великой тайны.

Все необъятнй ей даль казалась, страшнй и глубже въ душѣ ложилась сомнѣнья бездна, но въ день суровый, когда кипѣло и бушевало до дна все море, открыла фея тотъ смыслъ великй, прочла случайно, что такъ искала:

— Въ борьбѣ та тайна!

— Въ борьбѣ, какъ эхо, отвѣтилъ вѣтеръ;

— Въ борьбѣ, гудѣли сѣдя волны;

— Въ борьбѣ со стономъ кричала чайка...

И только скалы, насупясь мрачно, стояли молча.

Разъ утромъ яснмъ, когда высоко сіяло солнце и любовалось собою гордо въ волнѣ зеркальной, у берега моря явился старецъ.

Сѣдя кудри каскадомъ бѣлымъ на грудь и плечи его ложились, глаза свѣтились такою лаской и въ то же время такимъ сознаньемъ великой силы, что прожигали, казалось, душу.

Уставъ отъ долгой дороги трудной, онъ опустился на гладкій камень, на черный камень, гдѣ прежде часто бывала фея, и любоваться сталъ синей далью.

Морскія струйки то тихо пѣли о чемъ-то свѣтломъ, то вдругъ, какъ въ гнѣвѣ, стонали глухо, то словно съ лаской бѣжали къ скаламъ и, къ нимъ прильнувши, лизали камень, то съ шумомъ тихимъ назадъ бросались.

И передъ старцемъ, какъ въ отраженьи, въ морскомъ прибоѣ вся жизнь мелькнула. Мелькнуло дѣтство безъ крова, ласки, мелькнула юность съ ея мечтами...

— О, гдѣ вы скрылись, мечты святые? Куда дѣвалась былая гордость, порывы къ свѣту, къ борьбѣ, къ страданью, исканье славы, любви желанье?.. Какой злой геній, отнявши радость, отнявши счастье, такъ беспощадно сорвалъ вѣнецъ вашъ?

Но правда-ль это? Въ мечтахъ-ли счастье? И злымъ-ли гениемъ вѣнецъ ихъ сорванъ? Быть можетъ, Богъ—то? Десницей щедрой то онъ, быть можетъ, спасенье далъ мнѣ, глубоко въ душу вѣдривъ сознанье безсилья воли?

Пути иные, то онъ мнѣ подалъ, чтобъ я, скитаясь по дикимъ странамъ, Его святую постигнулъ волю?

Конечно, Богъ-то!

Тебя я славлю за все, что дано тобой мнѣ въ жизни. За то, что далъ ты познанья радость, направилъ сердце къ тебѣ, Великій, за то, что силой твоей священной гордыни демонъ во мнѣ смирился, что Ты открылъ мнѣ Святую Волю.

— Такъ въ чемъ та воля?—надъ нимъ раздался пыливый голосъ.

Онъ обернулся: у края камня стояла фея и взоромъ яснымъ смотрѣла въ небо.

— Открой ее мнѣ... Я все слыхала,—

твоя сомнѣнья, твою молитву... Ты тайну жизни, навѣрно, знаешь.. Скажи ее мнѣ. Я такъ томилась, я такъ хотѣла ее постигнуть...

— Сложна та тайна, отвѣтилъ старецъ, ее понять ты, дитя, не сможешь... Вѣдь кровь молодая въ тебѣ играетъ, огонь ярится въ душѣ кипучей. Смотри на море, смотри на скалы,—они откроютъ.

— Но я смотрѣла, старикъ, я долго ее искала, годами съ шумомъ волны шепталась, и я... открыла.

— Скажи ее мнѣ.

— Въ борьбѣ та воля, въ борьбѣ цѣль жизни. Ликъ старца ясный вдругъ омрачился, и скорбь глубоко легла въ морщинахъ.

— О, ты ошиблась, дитя,—я знаю, что будетъ трудно понять ту тайну. Взгляни на скалы, какъ кротко сносятъ онѣ обиду волны бурливой и какъ все чище и все яснѣе въ своемъ смиреньи онѣ блистаютъ. Взгляни, какъ пѣна ихъ увѣнчала вѣнцомъ достойнымъ. Пойми ихъ силу, въ ихъ жизнь проникни, и въ нихъ увидишь Святую волю,—она въ смиреньи.

— Но скалы мертвы, въ нихъ нѣтъ движенья... Вѣдь эти скалы стоятъ вѣками все такъ-же гордо, но такъ-же мрачно, а жизнь лишь вѣчно впередъ несется.

— Имъ будетъ жизнь, отвѣтилъ глухо, но съ вѣрой старецъ и, заглушенный порывомъ вѣтра, умолкъ внезапно.

Вдругъ, все вздрогнуло, померкло солнце, сгрудились тучи толпой свинцовой.. Запѣли волны!

Рядами, стройно, грудь противъ груди пошли на скалы...

И честно гибли въ борьбѣ неравной. А скалы мрака стояли твердо, и ихъ ущелья

въ отвѣтъ на рокоть борцовъ отважныхъ смѣялись глухо.

Метались волны, бросались съ плачемъ и дикимъ воемъ на скалы громады, но изнемогши, разбившись грудью и захлебнувшись своею кровью, свергались въ бездну,

Но приходили тогда другія и съ новой силой въ борьбу кидались съ тѣмъ великаномъ, что мощной цѣпью сковалъ свободу, рукой желѣзной въ объятыхъ стиснулъ.

— Въ борьбѣ цѣль жизни, въ аккордъ съ волною шептала фея:

— Она въ смиреньи, ей старецъ вторилъ. Еще яснѣе теперь я вижу весь смыслъ глубокой великой правды. Но шумъ зловѣщій прервалъ слова тѣ. То были волны крикъ. Послѣдній! Грозный! Взметнулись скалы и, застонавши въ сознаньи смерти, упали въ море.

— Ты лжешь мнѣ, старецъ! счастливый голосъ пронзилъ, какъ сталью, крикъ волнъ побѣдный.

— Погибли скалы въ своемъ служеньи;

еще не живши, ужъ смерть пріяли и къ новой жизни не встать имъ болѣ.

А эту радость въ могучемъ гимнѣ, что волны гордо поютъ свободѣ, ты слышишь, старецъ? Вѣдь эту радость въ смиреньи вѣчномъ познать не сможешь.

— Есть жизнь другая, я въ ней познаю иную радость.

— Ту жизнь, другую, ты вѣрно понялъ?

— Умомъ постигнуть ея не смѣетъ никто изъ смертныхъ. Въ нее я вѣрю.

— А вѣра — въ сердцѣ. И эту вѣру въ мою ты душу вселить не сможешь. Старикъ, я знаю, прожилъ ты долго, ты жизнь извѣдалъ, ты твердо вѣришь... Быть можетъ, правъ ты. Но все-жъ прельститься неяснымъ чѣмъ то взамѣнъ живого мнѣ странно какъ-то... Прощай-же, кроткій!

И если правда въ словахъ горячихъ твоихъ сокрыта, мнѣ жизнь то скажетъ.

В. Э. Витальскій.

Отвѣтственный редакт.-издатель студентъ *Александръ Васильевъ.*

2-ой годъ изданія.

2-ой годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

на еженедѣльный литературно-художественный и научный журналъ
молодой надпартийной интеллигенціи

„СЪВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЪ“

издаваемый студенчествомъ, чистая прибыль отъ продажи котораго
идеть на помощь семьямъ павшихъ въ бою воиновъ,

Цѣли и задачи журнала. Зародившись въ тяжелую эпоху общественнаго перелома, — журналъ „Сверный Гусярь“, какъ органъ выступающей въ жизнь молодой надпартийной интеллигенціи, переросшей узкія рамки партийности и кружковщины съ ихъ односторонними жизненными принципами, имѣетъ своей цѣлью:

- 1) объединить ищущихъ, задыхающихся подъ балластомъ программныхъ предписаній, стремящихся къ новой жизни, но еще не успѣвшихъ освободиться отъ обаянія прежнихъ фетишей;
- 2) способствовать всестороннему раскрыщенію личности;
- 3) выявленію самобытности въ литературѣ;
- 4) отыскать пути къ новому лучшему будущему за гранью перелома;
- 5) дать возможность на почвѣ трудовой коопераціи заработать неимущимъ учащимся.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ—5 р. 6 мѣс.—2 р. 50 к. 3 мѣс.—1 р. 25 к. За границу на годъ—8 р. на 1/2 года 4 руб.

Цѣна объявленій: На 2, 3 и 4-й стр. обложки, 1 стр.—40 р., 1/2 стр.—20 р. 1/4—10 р. строка петита 30 к. Позади текста: 1 стр.—25 р. 1/2 стр.—15 р. 1/4 стр.—8 р.; строка петита—20 коп.; годовымъ скидка по соглашенію.

При всякомъ сношеніи съ редакціей необходимо прикладывать на отвѣтъ марку. Въ противномъ случаѣ отвѣтъ для редакціи необязателенъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ: Петроградъ, Б. Зеленина д. 8. кв. 20 а также въ книжныхъ магазинахъ. Попова—Невскій 66. „Жизнь“ Петр. ст. Б. прос. д. 3, „Новый путь“ Петр. ст. Б., пр. д. 1, книжный магазинъ „Учитель“ Больш. пр. (Петр. стор.) д. 4, книжный маг. Вас. Остр. Больш. пр. д. 2/18. Вольфа—Невскій 13, „Новое время“ Невскій 40, Карбасникова—Гост. Дворъ 19 и въ отдѣл. конторы при типогр. Литейный пр. 33.

Пробный № высылается за 2 семикопеечныя марки.

Отвѣтъ Ред. Изд. студентъ А. А. Васильевъ.

Въ среду 29-го апрѣля 1915 года.

Въ залѣ Тенишевскаго училища (Моховая 33).

Редакторъ органа молодой надпартійной интеллигенціи Сѣверный Гусларь

АНТОНЪ КОВШЪ (А. А. Васильевъ)

прочтетъ лекцію

Феерія всего человѣка и современная точка зрѣнія на искусство.

Билеты отъ 50 к. до 3 р. продаются: въ центральной кассѣ, Невскій, 23, Книжн. маг. Попова, Невскій, 66, Книжн. маг. „Учитель“, д. 1, Петр. Ст. и въ концертномъ залѣ Тенишевскаго училища.

Просимъ сочувствующихъ намъ присылать въ редакцію — рукописи, рассказы, стихи, статьи на разныя темы, хронику высшей школы, иллюстраціи и проч.

Рукописи должны быть написаны на одной сторонѣ листа и, по возможности, четко, — подписаны и снабжены адресомъ, безъ чего печататься не будутъ. Безъ обозначенія гонорара рукописи считаются безплатными.

О принятыхъ для напечатанія редакція сообщаетъ письменно. Возвращеніе непринятыхъ рукописей для редакціи необязательно.

Редакція проситъ нуждающихся т. т. — студентовъ и курсистокъ вступать въ число продавцовъ журнала. Объ условіяхъ справитесь въ редакціи отъ 5—9 ч. вечера.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1915 годъ (7-й годъ изданія).

Ежемесячный иллюстрированный журналъ

Открыта подписка на ежедневную газету
на 1914 г. (Девятый годъ изданія).

„Яранское

Пчеловодство“

Программа журнала: 1) Дѣйствія и распоряженія правительства. 2) Бесѣды съ простыми пчеляками. 3) Сообщенія пчеловодовъ. 4) Изъ дѣятельности земствъ, пчеловодныхъ и сельскохозяйственныхъ обществъ. 5) Жизнь пчелъ. 6) Изъ книгъ и журналовъ. 7) Библиографія. 8) Кустарный отдѣлъ. 9) Справочный отдѣлъ. 10) Смѣсь. 11) Вопросы и отвѣты. 12) Объявленія.

Подписная цѣна съ пересылкою за 1 годъ — 1 рубль, за 1/2 года — 65 коп., за 3 мѣс. — 40 коп. Для г. г. членовъ Яранскаго Пчеловоднаго Общества, уплатившихъ членскій взносъ за 1915 г., цѣна 30 коп. въ годъ. Для членовъ Общества, проживающихъ за предѣлами уѣзда, 50 коп. въ годъ. Плата за объявленія: позади текста за одинъ разъ 1 стр. 8 р., за 3 раза 18 р., за 6 разъ 30 р., за весь годъ 40 р., 1/2 стр. 4 р., за 3 раза 9 р., за 6 разъ 15 р., за весь годъ 20 р., 1/4 стр. 2 р., за 3 раза 4 р. 50 к., за 6 разъ 7 р. 50 к., за весь годъ 10 р. Впереди текста вдвое дороже.

Редакторъ, Агр. номъ *Н. В. Селивановъ*.

Адресъ редакціи: г. Яранскъ, Вятской г., Редакція журнала „Яранское Пчеловодство“.

ВОЛГА

Условія подписки: Для подписчиковъ въ Саратовѣ и сл. Покровской; на годъ 5 р. 6 мѣс. 3 р., 3 мѣс. 1 р. 50 к., 2 мѣс. 1 р., 1 мѣс. 50 коп. Для иногороднихъ; на годъ 6 р., 6 мѣс. 3 р. 3 мѣс. 1 р. 65 к., 2 мѣс. 1 р. 10 к., 1 мѣс. 55 к. Для годовыхъ подписчиковъ какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ, допускается разсрочка подписной платы; при подпискѣ 2 р. и затѣмъ, начиная съ 1 марта, по 1 руб. ежемесячно; для чиновниковъ, выписывающихъ газету черезъ учрежденіе, въ которомъ служатъ, — по 50 к. ежемесячно. Газета высылается на льготныхъ условіяхъ волостнымъ и сельскимъ управленіямъ, сельскому духовенству, учителямъ сельскихъ школъ и крестьянамъ, живущимъ въ деревнѣ, по цѣнѣ; за годъ 4 р., за 6 м. 2 р., за 3 м. 1 р. Отдѣльная подписка на журналъ „Другъ Пахаря“ 3 рубля въ годъ. Подписка принимается въ конторѣ редакціи. Московская ул., д. Лисенко.

Для удобства публики журналъ продается у газетчиковъ.